

Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве¹

НИНА ДМИТРИЕВА

НЕОКАНТИАНСТВО, завезенное из Германии на русскую почву в конце XIX — начале XX веков, с самого своего появления в русском философском дискурсе оказалось весьма востребовано молодым поколением исследователей, заполнив теоретическую нишу, остававшуюся свободной в ситуации не завершенного в России исторического проекта Просвещения. Одним из характерных показателей такого положения вещей может служить тот факт, что русская философская мысль вплоть до рубежа XIX–XX веков развивалась главным образом в русле литературной критики и публицистики при преимущественном внимании к злободневным социально-политическим и этическим вопросам. А в последние десятилетия XIX века тон в академической и так называемой вольной философии стали все больше задавать мыслители мистико-религиозного толка. Коротко, но выразительно русскую философию этого периода, под которой подразумевалась в первую очередь религиозная философия, охарактеризовал А. Ф. Лосев:

... тот, кто ценит в философии прежде всего систему, логическую отделанность, ясность диалектики, одним словом, научность, может без мучительных раздумий оставить русскую философию без внимания².

1. Статья подготовлена в рамках проекта «Феномен русского неокантианства в контексте русской и европейской философии конца XIX — первой половины XX веков», осуществляемого на средства гранта президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук МД-4045.2011.6.
2. Такая характеристика русской философии содержится в статье А. Ф. Лосева,

Не удивительно, что русские неокантианцы мыслили свою общественную и научную миссию в России в перспективе «заповедного» Просвещения. В этой связи основная направленность их интеллектуальной активности заключалась в «онаучивании философии»³, что определило и две главные задачи их научной деятельности: спецификация самого предмета философии⁴, который бы отличался от предметов всех других наук и прежде всего психологии и теологии, и секуляризация философского знания, то есть очищение содержания философии от мировоззренческо-идеологической составляющей — в первую очередь религиозной⁵.

В формировании понятия науки у русских неокантианцев основополагающую роль сыграло, разумеется, «наукоучение» марбургских неокантианцев Г. Когена и П. Наторпа. Основные положения учения о науке, сформулированные Когеном в процессе интерпретации философской системы Канта, оформились поначалу в так называемую «теорию опыта», а впоследствии трансформировались в «логику познания». Усваивая философское учение Марбургской школы, русские интеллектуалы хотя и не ограничивались исключительно логикой и методологией науки, но, совершенно справедливо считая теоретическую философию ключом ко всей неокантианской системе, штудировали ее с особенной тщательностью⁶.

В своей ориентации на математику и математическое естествознание (физику) неокантианцы отнюдь не стремились растворить философию в естествознании, подменить предмет философии (познание в широком смысле) предметом естествознания (природой), а философскую методологию — методами естествознания, как это подчас представлялось их критикам, в том числе из России⁷. Напротив, следуя идеалу научности, сформиро-

несмотря на основной — апологетический — тон этой работы. См.: Лосев А. Ф. Русская философия // Введенский А. И., Лосев А. Ф., Радлов Э. Л., Шпет Г. Г.: Очерки по истории русской философии / Сост., вступ. ст., прим. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск, 1991. С. 67.

3. Schnädelbach H. Philosophie in Deutschland 1831–1933. Fr.a.M., 1983. S. 121.

4. См.: Яковенко Б. В. О задачах философии в России // Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб., 2000. С. 654.

5. Там же. С. 658.

6. См. подробнее: Дмитриева Н. А. Идея науки в русском неокантианстве: неокантианство vs позитивизм // Историко-философский альманах. Вып. 3. М., 2010. С. 140–166.

7. Ср.: «Чистый и характерный трансцендентальный идеалист Коген, решительный враг метафизики и самый настоящий позитивист» (Бердяев Н. А. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (5). С. 685).

ванному в рамках естествознания, они пытались обосновать философию как самостоятельную науку с собственным предметом, отличающуюся от частнонаучного знания, по-видимому, только своим *критицизмом*, то есть особым философским методом — трансцендентальным. Специфика этого метода состояла не в том, чтобы «расширить» или выйти за границы познания, устанавливаемые для науки ее собственным методом, а в том, чтобы их исследовать.

В основе когеновского трансцендентального метода лежит аналитический метод Канта, как он представлен Кантом в «Прологоменах», восходящий от данного к его условиям. В теоретической философии марбургцев за данное принимается «факт науки» и выясняется, что делает естествознание, или опытную науку (*Erfahrungswissenschaft*), наукой, то есть каковы условия достоверности научного познания. Так что ядром философии у неокантианцев оказывается не просто теория познания, а *критика* познания. И хотя предмет познания может быть определен в познании всегда лишь относительно, это не мешает в то же время «в качестве задачи мыслить его абсолютное определение»: «Единство и тождество, в которых мыслится предмет, составляют безусловное требование, тогда как в нашем познании они могут быть достигнуты всегда лишь относительно и условно»⁸. Таким образом, немецкие неокантианцы выявили одну из важнейших закономерностей науки: наука в процессе своего развития предстает как все более углубляющаяся *рационализация* знания⁹. В отношении философии как науки это должно было означать: рациональное исследование всех сфер активности человеческого сознания, включая само иррациональное¹⁰.

Русские неокантианцы в своих работах заново поставили и предельно заострили вопрос о том, «что такое философия» и «быть ли ей метафизикой, то есть теорией трансцендентной реальности»¹¹. И как бы ни отвечал на этот вопрос их современ-

8. *Наторп П.* Философская пропедевтика (общее введение в философию и основные начала логики, этики и психологии) / Пер. с 3-го нем. изд. под ред. и с предисл. Б. А. Фохта. М., 1911. С. 14. Переизд.: *Наторп П.* Избр. раб. / Сост. В. А. Куренной. М., 2006. С. 63.

9. *Гайденко П. П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 411.

10. По-видимому, впервые в неокантианстве эта проблема была озвучена баденцем Э. Ласком в кн.: *Lask E.* Fichtes Idealismus und die Geschichte. Tübingen; Leipzig, 1902. В марбургском неокантианстве она со всей отчетливостью была поставлена лишь в начале 1920-х годов в трудах П. Наторпа. В русском неокантианстве этой проблемой первым занялся В. Э. Сеземан: *Сеземан В. Э.* Рациональное и иррациональное в системе философии // Логос. М. 1911. Кн. 1. С. 93–122.

11. *Грузенберг С. О.* Очерки современной русской философии: опыт характеристики современной тенденции русской философии. СПб., 1911. С. 27.

ник и соотечественник, они заставляли его считаться с их собственным ответом, который гласил:

Философия есть прежде всего отдельная, независимая наука. <...> Философия есть наука о науке, о нравственности, о красоте и о святости, что в своей совокупности образует сферу трансцендентального. <...> Философия свободна и от религиозной веры, и от влияния специальных наук. <...> Она стала самостоятельной наукой¹².

ФИЛОСОФИЯ VS МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Вторая важная задача — секуляризация философии — находилась в тесной связи с первой: именно в независимости философии от мировоззренческих установок видели неокантианцы условие объективности и вообще научности философского знания. Реализация этой задачи для русских неокантианцев была тем более важной, что для их оппонентов — русских религиозных мыслителей — философия по преимуществу представлялась именно «*мировоззрением*»¹³.

Примечательно, что в те же 1910-е годы «голод по мировоззрению» испытывало молодое поколение немецких интеллектуалов, следствием чего, как полагал В. Виндельбанд, стало появление неогегельянства и «религиозного уклона», правда, не в собственно философском течении, а в его «индивидуальных и литературных формах»¹⁴. Однако и в самом баденском неокантианстве наблюдались религиозно-мистические интенции, которые чутко уловил русский ученик Г. Риккерта С. О. Гессен:

Критический эмпиризм <...> с помощью своего априори (трансцендентного должествования) стремится лишь укрепить эмпирические науки и устранить с нашего пути все метафизические предрассудки. Это его отправная точка. Последнее же слово, которое он еще считает себя вправе произнести, — это призыв к мистике. Устраняя метафизические предрассудки, он парадоксальным образом расчищает путь именно к ней¹⁵.

12. *Яковенко Б. В.* О задачах... С. 654–655.

13. См., например: *Трубецкой Е. Н.* Панметодизм в этике (к характеристике учения Когена) // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 97 (2). С. 165.

14. *Windelband W.* Die Erneuerung des Hegelianismus. Festschrift in der Sitzung der Gesamtakademie am 25. April 1910. Heidelberg, 1910. S. 7 (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. 10. Abhandlung).

15. *Hessen S.* Individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus.

Неудивительно поэтому, что мистические идеи, особенно густо роившиеся в российском гуманитарном пространстве, постепенно оказывали свое разьедающее воздействие, только усилившееся в ситуации социального кризиса, и в результате привели многих своих бывших противников-критицистов на позиции религиозной метафизики. Об этом уже в 1910 году полусерьезно предупреждал своих учеников Виндельбанд, давая оценку их первому, вышедшему по-немецки в 1909 году коллективному сборнику¹⁶ и только что оформившемуся замыслу международного журнала: «Вы дали вашей тетрадке название „О мессии“, теперь же вы хотите озаглавить ваш журнал „Логосом“. Будьте осторожны, вы еще причалите у монахов»¹⁷. Виндельбанд не ошибся: «из пяти участников... сборника только один не изменил заветам критицизма»¹⁸. Например, Степун, окончивая учебу в Гейдельберге, уже мучился сомнениями в правильности кантовского тезиса о непознаваемости «вещей самих по себе» и потустороннего мира¹⁹ и, по словам Д. И. Чижевского, «оставил своих философских учителей, не дождавшись решения вопроса о методе», будучи увлечен «интуицией»: «Слово это звучало как волшебное имя таинственного пути познания глубочайших тайн действительности»²⁰. Из тех, кто учился у Виндельбанда и Риккертта, пожалуй, только Б. В. Яковенко продолжал отстаивать критическую позицию, которую сформулировал в юности:

Как философы, мы должны вычеркнуть мировоззрение из числа основных философских вопросов, предоставляя его нациям, эпохам, индивидуальностям. Как философы, мы должны «делать» науку²¹.

Возможно, это объясняется его симпатиями к Марбургской школе неокантианства, ибо русские марбургцы в большинстве

Berlin, 1909. S. 151 (Kantstudien. Ergänzungshefte im Auftrag der Kantgesellschaft. № 15).

16. См. по-русски: О мессии. Эссе по философии культуры Р. Кронера, Н. Бубнова, Г. Мелиса, С. Гессена, Ф. Степуна / Сост., послесл. и примеч. А. А. Ермачева. СПб., 2010.
17. Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. Изд. 2-е, испр. СПб., 2000. С. 136.
18. Там же. Степун имел в виду Н. Н. Бубнова. Но и Бубнов отдал дань увлечению мистикой. См.: Von Bubnoff N. Das Problem der spekulativen Mystik // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. 1919/1920. Bd. VIII. S. 163–178.
19. Stepun F. Mystische Weltanschauung: Fünf Gestalten des russischen Symbolismus. München, 1964. S. 209.
20. Чижевский Д. И. Речь о Степуне // Степун Ф. А. Встречи. М., 1998. С. 248.
21. Яковенко Б. В. О задачах философии... // Яковенко Б. В. Мощь философии... С. 658.

своем остались верны идеям своей научной молодости. Неокантианские философские принципы стали *фундаментом* их мировоззрения, во многом определив и их политический выбор. Многие из них не просто сочувственно относились к идее революции, но и входили в различные революционные группы и партии, что не могло не привести их в самую гущу исторических событий того времени.

Что же это были за идеи и почему они обладали такой убеждающей силой? Как известно, в намерения Когена входило распространить трансцендентальный метод на все виды знания, в том числе и на этику, ориентируясь на «факт права». Насколько удачным оказался этот проект, это другой вопрос²². Но для его реализации Коген сформулировал важную этическую задачу: достижение «единства человека» в рамках единого человечества, поскольку только в человечестве отдельный человек выступает *автономно* как «цель сама по себе»²³. Ключом к такому пониманию человека служит та формулировка кантовского категорического императива, где речь идет о человеке как цели²⁴. Именно в этой формулировке, полагает Коген, декларируется нравственная «идея человечества и политическая идея социализма»²⁵, поскольку для осуществления этой идеи на практике необходимо следовать путем справедливости²⁶. Справедливость — это, однако, не только путь, но и бесконечно отдаленная цель, задача или *идеал* государства, в котором политическое образование (то есть государство) должно совпасть с нравственной общностью. Эта концепция получила название этического социализма и вышла далеко за пределы неокантианской философии, найдя свое выражение в мировоззрении и определенной этим мировоззрением социально-политической деятельности марбургцев: философов-неокантианцев Пауля Наторпа и Карла Форлендера, одного из лидеров движения за потребительскую кооперацию Франца Штаудингера, социал-демократа, революционера и первого премьер-министра Баварской Республики Курта Эйснера.

В мировоззрении русских неокантианцев идеи этического социализма наложились на народнические теории, трансфор-

22. Критику когеновского этического учения см., например, в статье: Спекторский Е. В. Из области чистой этики // Вопросы философии и психологии. 1905. Кн. 78 (3). С. 384–411.
23. См. подробнее: Дмитриева Н. А. Неокантианство и Лев Толстой: от «научного учения» к учению о человеке // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / Под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М., 2010. С. 380–388.
24. См.: Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. М., 1997. Т. 3. С. 169.
25. Cohen H. Ethik des reinen Willens. Berlin, 1914. S. 319.
26. Ibid. S. 597.

мировавшиеся в России к началу XX века в программу партии социалистов-революционеров, активным членом которой был Д. О. Гавронский, на теорию и практику анархизма (Я. И. Гордин), часто сочетавшиеся с этическим учением Л. Н. Толстого о непротивлении (О. П. Бук, Г. Э. Ланц).

Репрезентативным примером того, как в гуще исторических событий реализовывалась интеллектуальная программа неокантианства, может служить *case* О. П. Бука, русского неокантианца, игравшего исключительную роль в немецко-русском диалоге начала XX века, в особенности в полемике о пацифизме, но скромно забытого историками в тени крупных имен.

УЧЕНИЕ ТОЛСТОГО В НЕОКАНТИАНСКОЙ ВЕРСИИ

Толстовец и неокантианец Отто(н) Петрович Бук (1873–1966), прекрасно знакомый как с немецкой, так и с русской культурой, всю свою жизнь посвятил выполнению удивительной миссии «культурного посредника», связывая идеи и традиции. Е. В. Спекторский, познакомившийся с Буком летом 1902 года в Гейдельберге в пансионе фройляйн Керн, вспоминал об этой встрече так:

Однажды, услышав звук гонга, звавший пансионеров к обеду, и спустившись в столовую, я застал в ней молодого человека с белокурою бородкою, игравшего на пианино. Это был Оттон Петрович Бук (*Buek*), однофамилец, но не потомок того немца, которого русский военный губернатор Кёнигсберга во время семилетней войны назначил вместо Канта на кафедру философии, ибо у него было старшинство по службе. Бук происходил из немецкой семьи, сделавшей в России фортуны. У его родителей было в Петербурге садоводство. Он окончил естественное отделение Петербургского университета и отправился за границу учиться философии²⁷. После разных скитаний он водворил-

27. Точнее, Бук окончил естественный разряд физико-математического факультета по специальности «химия» с дипломом первой степени, что давало право заграничной командировки со стипендией. В зимний семестр 1896/1897 учебного года он имматрикулировался в Гейдельбергском университете на естественно-научном факультете и оставался его студентом до зимнего семестра 1897/1898 учебного года (включительно). С летнего семестра 1898 года Бук уже числился студентом философского факультета того же университета, а с зимнего семестра 1899/1900 учебного года учился в Марбурге. Другие биографические подробности см.: Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 160–162, 279–288.

ся в Марбурге, где стал приверженцем Германа Когена и Наторпа. Мать регулярно посылала ему из Петербурга деньги. И он не спешил закончить свою докторскую работу о Фарадее. Лето он проводил в Гейдельберге. Это был очень милый человек, совсем обрусевший, увлекавшийся Толстым. <...> Кроме философии, Бук очень хорошо переводил на немецкий язык Гоголя, Тургенева и Толстого. Он жаловался мне, как трудно передавать немецкой публике такие выражения Толстого, как «все эти Песталоцци». Яичницу из «Женитьбы» Гоголя он превратил в *Eierkuechler'a*²⁸.

В 1904 году представил к защите диссертацию «Атомистика и фарадеевское понятие материи. Логическое исследование»²⁹. Ее целью было раскрыть философский смысл фарадеевской теории и доказать тем самым методолого-эпистемическую общность науки и философии.

Итак, к философии Бук шел вполне типичным для русского неокантианца путем: получив конкретно-научное³⁰ образование, посвятить себя затем философии и делу просвещения. По-видимому, еще в Петербурге Бук увлекся народническими идеями и учением Л. Н. Толстого. В Марбурге он также посвящает много времени политической теории и пропаганде. Вскоре в Марбурге сложилась кантианско-социалистическая группа, в которую входили, кроме самого Бука, также Эрнст и Курт Тезинги, Гизела и Роберт Михельсы и Курт Эйнер³¹. По словам Михельса, в ее идеологии смешивались «некоторые кантианские и толстовские элементы, сознание долга, жажда истины и мужество [ее] защитников (*Bekennermut*)... с марксистской точкой зрения на философию истории»³², что, конечно, не вполне вписывалось в концепцию этического социализма, представляя собой анархо-синдикалистское течение на периферии Социалистической партии Германии. После отъезда из Марбурга Бук с осени 1905 года обосновался в Берлине, где, совершенно разочаровавшись в обуржуазившейся социал-демократии, примкнул к анархистам и начал пропагандировать среди рабочих программу гражданского неповиновения.

28. Исследовательский институт Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Nachlaß Bonač 30.230. Спекторский Е. В. Воспоминания. Л. 189, 190.

29. *Buek O.* Die Atomistik und Faradays Begriff der Materie: Eine logische Untersuchung: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Marburg. Marburg, 1905. Впервые в: Archiv für Geschichte der Philosophie. Bd. XVIII (1905), H. 1. S. 65–110; H. 2. S. 139–165.

30. Другой распространенный вариант — юридическое образование.

31. *Hanke E.* Prophet des Unmodernen. Leo N. Tolstoi als Kulturkritiker in der deutschen Diskussion der Jahrhundertwende. Tübingen, 1993. S. 130, 185.

32. Цит. по: *Ibid.* S. 185.

Бук много времени отдает пропаганде идей Л. Н. Толстого³³: отдельным изданием в переводе Бука и с предисловием Йоганнеса Хольцмана (псевд.: Сенна Гой) в издательстве последнего в апреле 1905 года выходят статьи Толстого под общим названием «К солдатам и молодым людям»³⁴. Правда, практически весь десяти тысячный тираж этого издания был уже через неделю после его выхода в свет конфискован полицией из-за его «антимилитаристской тенденции»³⁵. В 1907 году в рамках собрания сочинений вышли тоже в переводе Бука два тома педагогических сочинений Толстого³⁶, работа над которыми была начата еще в начале 1905 году по приглашению Ойгена Дидерикса, известного издателя³⁷. В том же 1905 году в журнале «Борьба» Бук публикует собственную статью о Льве Толстом³⁸, из которой ясно, что Бук никогда не был «классическим» толстовцем. К учению Толстого он подходит критически, осуждая Толстого за его приверженность «к двойственному, полному противоречий христианскому учению». Из всего «содержания этого кадастра нашей суеверной отсталости» Толстой, по мнению Бука, извлек «едва ли больше пяти коротких предложений» — «прекраснейших и возвышеннейших изречений Христа»³⁹, но в них он «открыл основные революционные законы человечества», «вечно революционное», «чистый анархизм». Нагорная проповедь превращается в интерпретации Толстого в «политическое учение»⁴⁰. Толстому, как одному из «глашатаев новой эпохи, борцов за антиавторитарный идеал», пришлось «ради человечества овладеть *новым* средством борьбы, *новыми* и неизвестными путями победы, чем те, которыми пользуются их противники»⁴¹. Бук знает о критике толстовской доктрины непротivления теоретиками и практиками революционного движения. Но в отли-

чие от оппонентов Толстого Бук, как неокантианец, видит в этой доктрине новый *метод* и принцип —

...просто революционный принцип, без каких-либо отступлений и уступок, разумеется, не романтический путчизм и не кокетничанье с кровавыми фантазиями заговорщиков, а *непрерывно продолжающуюся революцию как сущность* самого человека, *революцию как метод*. Поэтому это не слабая женственность мысли о непротivлении, но огромное напряжение героического проявления силы, живейшая *активность*. <...> Это единственно достаточное определение для подлинного, настоящего действия, это форма активности, которая требует энергии и концентрации воли, изначальной спонтанности, для чего у нашего поколения пока нет ни средств, ни способности...⁴²

В Берлине, видимо, осенью 1905 года Бук был привлечен к суду за пропаганду толстовства и анархизма. По словам Е. В. Спекторского,

...он должен был дать ответ за свое толстовство. <...> На суде в качестве добровольного не то свидетеля, не то эксперта выступил Кассирер, объяснивший, что если Бука и можно считать анархистом, то только идейным и совершенно безобидным. Бук был оправдан, и это было отпраздновано вечером в ресторане, куда явился и Коген, на суде не показавшийся⁴³.

Этим «идейным анархизмом» и толстовством объясняется активная пацифистская позиция Бука, ярко проявившаяся с самого начала Первой мировой войны.

ПАЦИФИЗМ ИЛИ МИЛИТАРИЗМ?

С началом войны практически все деятели науки и культуры вынуждены были публично заявить о своем отношении к войне вообще и к этой войне в частности. Одной из форм подобного рода заявлений стали манифесты и воззвания⁴⁴. По-видимому, первым военным манифестом немецкой общественности

33. Сравнительное исследование пацифизма Толстого и Канта см.: Krouglov A. N. Das Problem des Friedens bei I. Kant und L. N. Tolstoj // War and Peace: the Role of Science and Art / S. Nour, O. Remaud (ed.). Berlin, 2010. S. 257–264.

34. Tolstoj L. An die Soldaten und jungen Leute / O. Buek (Übers.). Mit einem Nachwort von Senna Hoy. Berlin-Charlottenburg, 1905.

35. См. URL: <http://www.wissen.de/kalender/30-april-1905-1?csm=true>.

36. Tolstoj L. N. Pädagogische Schriften: Bd. 1 и 2 // Tolstoj L. N. Sämtliche Werke / Von dem Verf. genehmigte Ausgabe von R. Löwenfeld; Serie 1: Sozial-ethische Schriften; Bd. 8 и 9. Leipzig, 1907. Кроме Л. Н. Толстого, в переводе Бука на немецкий вышли сочинения А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Л. Н. Андреева, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, а позднее — М. де Унамуно...

37. Hanke E. Op. cit. S. 45.

38. Buek O. Leo Tolstoj // Kampf. Zeitschrift für gesunden Menschenverstand. Berlin. Jg. 2. № 19, 24. Februar 1905. S. 539–543; № 20, 3. März 1905. S. 575–579.

39. Ibid. S. 576–577.

40. Ibid. S. 540.

41. Ibid. S. 542.

42. Buek O. Leo Tolstoj // Kampf. 1905. № 19. S. 540.

43. Исследовательский институт Восточной Европы при Бременском университете (Германия). Nachlaß Bonač 30.230. Спекторский Е. В. Воспоминания. Л. 242, 243.

44. Так, Рудольф Ойкен, профессор философии в Йене и нобелевский лауреат по литературе 1908 года, за один военный год опубликовал 36 воззваний к общественности. См.: Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М., 2008. С. 220.

стало «Воззвание к культурному миру»⁴⁵. Составленное в сентябре и опубликованное 4 октября 1914 года, оно объявляло ложью любые сообщения вражеской прессы о военных преступлениях германских солдат (в частности, расправы с мирным населением в Бельгии и разрушение Лувена, в том числе уничтожение ценнейшей библиотеки Лувенского университета в конце августа 1914 года) и оправдывало германский милитаризм. Оно было подписано девятью тремя немецкими интеллектуалами (отсюда второе название: «Манифест 93-х»), среди которых были знаменитые на весь мир ученые М. Планк, В. Рёнтген, философы Р. Ойкен, В. Вундт, В. Виндельбанд и А. Риль, и не могло не вызвать большой резонанс во всем мире. Однако уже следующий документ («Заявление преподавателей высшей школы Германской империи»), демонстрировавший остальному миру солидарность немецких ученых с армией и народом, которые борются «за свободу Германии, за все мирные блага и цивилизацию не только в Германии», и веру в победу, от которой зависит «спасение культуры всей Европы»⁴⁶, далеко превзошел первый по численности подписавшихся. Это «Заявление» было опубликовано 16 октября того же года, и под ним стояли подписи более 3000 ученых Германии, включая тех же А. Риль и В. Виндельбанд, а также Г. Риккерта, Г. Когена, П. Наторпа, Э. Кассирера...

И если появление имен баденцев в этом списке было более или менее предсказуемо — политические симпатии Виндельбанда и Риккерта и до войны были близки национал-либерализму, — то появление в нем марбургцев представляется довольно неожиданным. И Коген, и Наторп в своих этических построениях всегда ориентировались на кантовскую идею о вечном мире. В оправдание своей позиции по отношению к разразившейся войне Коген⁴⁷ объявил «вечный мир» *лишь* идеей, бесконечной *задачей* как «для всякого нравственного устремления (*Zweck*) рода человеческого, так и для отдельного человека», подчеркнув необходимость отличать «этическое значение *идеи* от всякой *действительности природы* и всякого *исторического опыта*»⁴⁸. А действительность такова, что немецкие солдаты в период войны вносят свой вклад в осуществление этой идеи, потому что ведут справедливую вой-

ну, которую следует понимать как «необходимую оборону против навязанной нашему существованию и нашей чести войны»⁴⁹, и тем самым подготавливают создание союза государств, в котором главную роль должна сыграть не Франция (как у Канта), а Германия⁵⁰. Победив, именно Германия «проложит дорогу справедливости и миру между народами»⁵¹.

Наторп, который всегда считался пацифистом и задолго до войны стал членом «Союза за международное взаимопонимание», а с 1912 года даже вошел в его правление, где оставался и во время войны, выступал в печати примерно в одном ключе с Когеном⁵². Однако Наторп в гораздо большей степени, чем Коген, входил в вопросы реальной политики, признавая, например, ошибки германской дипломатии и одновременно оправдывая нарушение германскими войсками нейтралитета Бельгии⁵³. Вместе с тем он пытался найти теоретическое объяснение разразившейся войне, в связи с чем подчеркивал, что войну вести *можно*, но *только* «ради мира, ради обеспечения мирной работы»⁵⁴. Кантовская же идея вечного мира — лишь «вечная задача», согласно Наторпу, или «регулятивная идея»⁵⁵. Международное правовое состояние, которое должно обеспечить вечный мир, Наторп считает *идеалом* далекого будущего. «Научный» пацифизм в своей ориентированности на этот идеал, безусловно, прав, но в попытках его непосредственного осуществления заблуждается⁵⁶. Наторп утверждает, что пацифизм «не осознает условий возможного осуществления самого по себе верного идеала»⁵⁷. Так что вместо того, чтобы покорно сдаться на милость завоевателям,

45. Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915. М.; Минск, 2002. С. 742–744. Прим. 32. URL: http://militera.lib.ru/memo/french/poincare_r/app.html#32.

46. См. URL: http://de.wikisource.org/wiki/Erkl%C3%A4rung_der_Hochschullehrer_des_Deutschen_Reiches.

47. Подробнее см.: Hoeres P. Krieg der Philosophen. Die deutsche und die britische Philosophie im Ersten Weltkrieg. Paderborn, 2004. S. 229–232, 530–531.

48. Cohen H. Vom ewigen Frieden (1914) // Cohen H. Werke. Bd. 16: Kleinere Schriften V. 1913–1915 / H. Wiedebach (Bearb., eingel.). Hildesheim; Zürich; N.Y., 1997. S. 314.

49. Ibid. S. 318.

50. *Idem*. Deutschtum und Judentum mit Grundlegenden Betrachtungen über Staat und Internationalismus (1915) // Cohen H. Werke. Bd. 16... S. 541.

51. *Idem*. Appell an die Juden Amerikas (1914/1915) // Cohen H. Werke. Bd. 16... S. 310.

52. Hoeres P. Op. cit. S. 531. См. также: Jegelka N. Paul Natorp: Philosophie, Pädagogik, Politik. Würzburg, 1992. S. 111–138; Luft S. Germany's Metaphysical War. Reflections on War by Two Representatives of German Philosophy: Max Scheler and Paul Natorp // Themenportal Erster Weltkrieg. 2007. URL: <http://www.erster-weltkrieg.clio-online.de/2007/Article=208>.

53. Natorp P. Über den gegenwärtigen Krieg (1914) // Natorp P. Der Tag des Deutschen. Vier Kriegaufsätze. Hagen i.W., 1915. S. 13–33.

54. *Idem*. Die große Stunde — was sie der Jugend kündigt (1914) // Ibid. S. 38.

55. Кант настаивал, что вечный мир есть «не пустая идея, а задача, которая постепенно разрешается и... становится все ближе к осуществлению» (Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796) / Под ред. Н. В. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. М., 1994. С. 477).

56. См.: Natorp P. Wissenschaftlicher Pazifismus // Der deutsche Wille des Kunstwarts. 1915. 1. Jg. № 29 (2). S. 41–46.

57. *Idem*. Geschichtsphilosophische Grundlegung für das Verständnis unserer Zeit // Ibid. S. 98.

нужно оружием победить оружие. Единственный тип пацифизма, который признает Наторп, — это «органический пацифизм». Его суть — во внутренней демократизации и этизации народной жизни, что является необходимым условием для возникновения и функционирования международных организаций. Опираясь на гегелевскую концепцию о трех ступенях развития и применяя ее для анализа состояния народной жизни, Наторп приходит даже к философскому обоснованию необходимости войны для развития из отдельных народов «подлинного человечества» как условия «настоящего мира». Неизбежность конфликтов между народами — в объективном различии, существующем между уровнями развития отдельных народов. Наторп в своем оправдании войны, по сути, объявляет ее настолько же неизбежным злом («необходимой обороной»), насколько воспитывающей и творческой силой⁵⁸.

Из младшего поколения марбургских неокантианцев с радикально пацифистских позиций выступили по крайней мере двое: Курт Эйснер и Отто Бук. И если социалист Эйснер в первые месяцы войны еще питал иллюзию насчет этой войны как необходимой обороны Германии от русского царизма и только к началу 1915 года избавился от этой иллюзии, присоединился к пацифистскому «Союзу нового Отечества» и способствовал возникновению левого — антивоенного — крыла Независимой социал-демократической партии, то Бук с первых же дней войны занял категорически антивоенную позицию. В этом отношении Бук оказался верным последователем Толстого, который знал, что «путь и цель могут быть только едины»⁵⁹. В той же статье 1905 года Бук пояснял, что «братоубийство» — это «средство насилия», которое ведет только к «укреплению и увековечиванию рабства»⁶⁰, а не к установлению вечного мира. В октябре 1914 года Бук стал одним из тех четырех (!), кто подписал антивоенное «Воззвание к европейцам», составленное в ответ на шовинистский «Манифест 93-х» («Воззвание к культурному миру») известным врачом, физиологом, профессором Берлинского университета Георгом Фридрихом Николаи⁶¹. Двумя другими, подписавшими это воззвание, были астрофизик и президент Международной палаты мер и весов Вильгельм Фёрстер (1832–1921),

чья подпись была поставлена под «Манифестом 93-х» без его согласия, и физик Альберт Эйнштейн⁶².

Отто Петровича Бука и Георга Николаи связывала многолетняя дружба, начавшаяся еще в студенческие годы в Хайдельберге. Кто из них на кого повлиял больше, сказать трудно. Однако про Бука известно, что он приехал в Германию, уже будучи страстным толстовцем, и, видимо, от него «заразились» этим учением еще по крайней мере двое его немецких друзей⁶³. Можно с известной вероятностью предположить, что Николаи также не избежал сильного влияния идей Толстого. По крайней мере очевидно, что Бук повлиял на него в том, что касается философии. В тезисах Николаи к докладу под названием «Сумерки богов философии», прочитанному в июне 1921 года, первый же тезис звучит: «Философия по своей сути критика познания». Правда, дальнейшие размышления приводят Николаи к несколько неожиданному заключению: проделав свою исторически необходимую работу по выяснению границ возможного опыта, философия оказывается излишней и даже вредной, поскольку по-прежнему притязает на выход за пределы чисто научного познания, результатом чего оказывается построение очередной метафизической системы, отвечающей необходимо имеющемуся в нас свойству размышлять о «последних вещах». Поэтому будет справедливо, если мы в философии будем видеть только игру, подытоживает Николаи. «С признанием, таким образом, истинного (человечески обусловленного) смысла философии приходит и осознание ее величия, что не мешает, однако, говорить о сумерках богов философии»⁶⁴.

Об истории появления «Воззвания к европейцам» спустя несколько десятилетий вспоминал сам Бук:

Яростный патриотизм возрос до такой степени, что я предпочел вернуться [из Лейпцига] в Берлин, где надеялся среди своих друзей найти более уравновешенную точку зрения. Увы, мне пришлось испытать самое горькое разочарование, хотя я и нашел сочувствие у нескольких коллег похожих взглядов, кто отвергал империалистическую войну и победный мир. Дома у известного университетского профессора медицины⁶⁵ я снова встретил Эйнштейна. К моей огромной радости, я вскоре смог убе-

58. См. подробнее: *Hoeres P.* Op. cit. S. 531–534.

59. *Buek O. Leo Tolstoi // Kampf. Zeitschrift...* № 19. S. 539.

60. *Ibid.* S. 540.

61. Г. Ф. Николаи был также автором пацифистского сочинения, написанного во время Первой мировой войны и сразу ставшего знаменитым. Опубликовано впервые целиком в Цюрихе в 1917 году. См.: *Николаи Г. Ф. Биология войны.* СПб., 1995 (репринт с издания 1926 года).

62. *Hermann A. Einstein. Der Weltweise und sein Jahrhundert. Eine Biographie.* München; Zürich, 1994. S. 29.

63. Исследовательский институт Восточной Европы при Бременском университете (Германия). *Nachlaß Bonač 30.320. Спекторский Е. В. Воспоминания.* Л. 238, 239.

64. *Institut für Zeitgeschichte. München. ED 184 (Nachlaß Nikolai). № 92. Thesen (Handschrift).*

65. У Г. Николаи.

даться, что моя точка зрения на политическую ситуацию очень близка его. Подобно мне, ему была отвратительна бессмысленно спровоцированная война. <...> Тем временем шовинистские страсти достигли высшей точки пароксизма. Это нашло выражение в печально известной Декларации 93-х немецких профессоров, полной самодовольства и горячего энтузиазма и совершенно игнорирующей истинное положение дел. Вспышки враждебности превратились в лихорадочную военную истерию. И вот, остро переживая происходящее, Эйнштейн, профессор-медик и я решили покончить с равнодушием и сплотить группу ученых на защиту чести немецкой науки и публично отмежеваться от постыдного поведения 93-х. Мы решили, что наш ответ должен принять форму антиманифеста — истинного манифеста за мир. В одном из лекционных залов университета мы обсудили и утвердили черновик и его копии раздали большому числу профессоров. Манифест был направлен в первую очередь против лицемерия, безответственности и лживости Декларации 93-х и оканчивался призывом к миру.

Увы, мы переоценили смелость и честность немецкой профессуры. Результат наших усилий был плачевным. Не более трех или четырех были готовы подписать манифест, и большинство из них через несколько дней отказалось. Идти дальше с нашим документом, имея только четыре или пять подписей, означало бы признать поражение.

В конечном счете мы нашли способ предать некоторой гласности наш манифест. Член нашей своеобразной группы, медик, включил его как приложение в свою книгу «Биология войны», в которой он характеризовал войну как бедствие человечества. Не в последнюю очередь благодаря подписи Эйнштейна манифест наделал довольно много шума. Он стал широко известен и эффективен только к концу большой войны, когда Германия уже начала заражаться военной усталостью⁶⁶.

В антиманифесте 4-х содержались поистине революционные идеи — в том смысле, в котором революционным Бук назвал учение Льва Толстого. Уже в октябре 1914 года его авторы поняли и, неявно цитируя положения Канта⁶⁷, пытались предупредить европейскую общественность, что «ныне свирепствующая борьба навряд ли сделает кого-нибудь победителем, оставив, вероятно, одних лишь побежденных», что

...образованные люди всех государств [должны] использова[ть] свой авторитет для того, чтобы... условия мира не стали источником будущих войн, а чтобы, наоборот, факт превращения этой войною всех европейских взаимоотношений в состояние

66. Еврейский университет в Иерусалиме. The Albert Einstein Archives, № 59 353. Buek O. The Einstein I knew / H. Norden (trans.). 1955. P. 3, 4.

67. Кант И. К вечному миру. С. 357–403.

известной текучести и неустойчивости был использован в целях образования из Европы органического целого.

В отличие от Когена и Наторпа Николаи, Бук и Эйнштейн полагали, что «технические и интеллектуальные предпосылки для этого *налицо*»⁶⁸ (курсив мой. — Н. Д.).

Неудача с антиманифестом, однако, не лишила Николаи и Бука желаний продолжать идейную борьбу. Около 1916 года они взялись за новый проект, решив выпустить в свет книжную серию «Политика классиков», в которую планировалось собрать забытые на тот момент антивоенные сочинения известных (прежде всего немецких) философов, а также наиболее важные документы по правам человека из разных стран, снабдив каждый том предисловием и комментариями. Среди авторов и планируемых сочинений Николаи в переписке с возможными спонсорами называет «Заметки о правильности суждений общественности о французской революции» Фихте, «Молитвы о мире для Германии» Жана Пауля, выписки Ж.-Ж. Руссо из трактата аббата де Сен-Пьера «К вечному миру», а также приложение и отклик к этому тексту, «К вечному миру» Канта, «Письма о поощрении гуманности» И. Г. Гердера, английский «Биль о правах», американскую Декларацию о независимости, «Права человека» французской революции и др.⁶⁹ Часть этих текстов готовил к публикации Бук. К сожалению, в 1916–1917 годах ни найти издателя, ни основать собственное издательство для выпуска этой серии Николаи, Буку и на первом этапе организационно поддерживать им Эйнштейну не удалось. Из всех задуманных книг в свет вышел только Руссо и то только в 1920 году⁷⁰. Другие подготовленные к печати тексты (И. Г. Фихте, Ж. Пауля) погибли во время войны, конфискованные полицией⁷¹. Судьба остальных неизвестна.

Несмотря на неудачу этого проекта и травлю Николаи, последовавшую после публикации в Швейцарии его книги «Биология войны», одним из следствий чего стало лишение его в 1920 году права чтения лекций и вынужденная эмиграция в Аргентину в марте 1922 года, усилия немецких и русских пацифистов не пропали даром: их идеи были восприняты в различных социальных группах — анархистов, пацифистов и социалистов

68. Воззвание к европейцам // Николаи Г. Ф. Биология войны. Мысли естествоведа / Пер. с нем. под ред. Г. Г. Генкеля, предисл. Р. Ролана. 2-е изд. М., 2007. С. 14–16.

69. Zuelzer W. W. Der Fall Nikolai. Fr.a.M., 1981. S. 190, 196.

70. Jean-Jacques Rousseaus Schriften zum Ewigen Frieden / B. Laserstein (Hg.), Vorwort von G. F. Nikolai (Übers., Vorw.). Berlin, 1920.

71. Ibid. S. 9–10.

и, распространяясь за пределы этих групп, постепенно овладевали умами европейцев. Кантовская мысль о мире, нашедшая отклик в неокантиански модифицированном толстовстве, хотя и не смогла предотвратить страшные катастрофы XX века, но все же подспудно способствовала осознанию возможности идти путем мирного сосуществования, появлению миротворческих международных институтов, а в конечном счете и возникновению объединенной Европы.